

Фан Юньци ничего не сказал, лишь молча убрал руку с лодыжки. Действительно, теперь было видно, что его лодыжка немного опухла, хотя проблема была несерьёзной, но Цзинь Жоянь нахмурился.

Здесь никого не было, кто мог бы помочь. Тренировочный учитель поручил их заботам сотрудников компании, ответственных за концерт. Если бы они начали шуметь, люди, увидев, что проблема незначительна, не только не помогли бы, но и посчитали бы их слишком привередливыми. В конце концов, у всех, кто готовится к дебюту, есть свои травмы.

— Как это случилось?

Цзинь Жоянь решил не привлекать внимания, а вместо этого присел на корточки, чтобы внимательно осмотреть травму Фан Юньци.

Фан Юньци сначала не хотел говорить, но, видя его заботу, с неловкостью ответил:

— Когда я спускался со сцены, не заметил ступеньку и подвернул ногу.

Цзинь Жоянь тихо вздохнул, подумал и встал:

— Подожди, я сейчас вернусь.

Через мгновение Цзинь Жоянь вернулся с полотенцем и бутылкой холодной воды, жестом предложив Фан Юньци положить ногу на диван.

Фан Юньци немного смутился, оглядевшись вокруг. Хотя он знал, что все заняты своими делами и не обратят на них внимания, всё же пробормотал:

— Не нужно, боль не такая сильная!

Сейчас она не сильная, но позже тебе придётся танцевать с этой травмой, и к концу выступления твоя лодыжка опухнет, как помидор!

Вспоминая, как в прошлой жизни Фан Юньци лежал в общежитии, полумёртвый от боли, и даже еду ему приносили по очереди, Цзинь Жоянь невольно ругал его в душе: этот парень что, совсем глупый? Получил травму, а даже не подумал о мерах предосторожности, просто терпит, пока в итоге не стал инвалидом.

Не обращая внимания на возражения Фан Юньци, Цзинь Жоянь снял с него ботинок, положил ногу на диван, подложил под неё свой рюкзак, чтобы приподнять, затем обернул бутылку с холодной водой полотенцем и начал аккуратно прикладывать к лодыжке. Холодный компресс заставил Фан Юньци вздрогнуть, но постепенно тело привыкло, и опухоль с болью начали уменьшаться.

Глядя на Цзинь Жояня, который усердно обрабатывал его ногу, Фан Юньци не знал, что сказать. Его губы слегка надулись, словно он обдумывал, как выразить свои мысли. Наконец, он собрался с духом и хотел коснуться его плеча, но Цзинь Жоянь вовремя поднял голову, его большие чёрные глаза блеснули, и он протянул Фан Юньци бутылку с холодной водой:

— Продолжай прикладывать, я поищу кое-что ещё.

Не дожидаясь ответа, Цзинь Жоянь встал и начал рыться в комнате, как вор, к счастью, все были заняты своими делами, и никто не обратил внимания на этого непоседу.

Не найдя того, что искал, Цзинь Жоянь помахал рукой Фан Юньци, что-то пробормотал и выбежал из комнаты.

Прошло много времени, а Цзинь Жоянь всё не возвращался. Вода в бутылке уже перестала быть холодной, и Фан Юньци опустил ногу, собираясь снова надеть ботинок.

— Подожди, — Цзинь Жоянь, весь в поту, стоял в дверях с медицинским бинтом в руках, направляясь к нему и ворча. — Опухоль только начала спадать, если не обработать, после выступления станет ещё хуже.

Фан Юньци посмотрел на бинт, удивлённый:

— Не нужно!

Цзинь Жоянь подошёл и, как раньше, взял дело в свои руки, снова положив ногу Фан Юньци на диван, продолжая болтать:

— В гримёрке только тонкие бинты, я подумал, что на сцене тебе придётся танцевать активно, и они не помогут, поэтому побежал купить медицинский бинт. Хи-хи, в конце концов, мы выступаем позже, времени полно. Только вот аптеку было трудно найти, пришлось пробежать несколько улиц! Я еле живой!

Цзинь Жоянь ловко развернул бинт, одной рукой прижал его конец к лодыжке Фан Юньци, а другой начал обматывать ногу, начиная с лодыжки, затем вокруг пятки, подошвы и снова возвращаясь к лодыжке, сделав три слоя, каждый из которых перекрывал предыдущий наполовину, создавая прочную, но не слишком громоздкую повязку.

Цзинь Жоянь с удовлетворением посмотрел на аккуратную восьмёрку бинта:

— Тебе ещё выступать, я сделал только три слоя, чтобы было удобнее двигаться. Когда вернёмся в общежитие, я перебинтую тебя заново! Или сходи к врачу, чтобы это не мешало твоим тренировкам.

Фан Юньци с удивлением смотрел на свою лодыжку, сжал губы и, встретившись с самодовольным взглядом Цзинь Жояня, наконец выдавил:

— Ты бы лучше пошёл учиться на врача, у тебя талант, это больше перспективно, чем быть стажером.

Цзинь Жоянь лишь промолчал.

Концерт завершился успешно, и они вернулись в общежитие на служебном автомобиле компании. Поскольку нужно было отвезти других сотрудников, их высадили на ближайшем перекрёстке. Цзинь Жоянь вышел из машины, вежливо попрощался со всеми, затем протянул руку Фан Юньци, сидевшему сзади. Тот немного замешкался, но затем медленно протянул руку.

Лунный свет был мягким, лёгкий ветерок ласкал кожу, создавая атмосферу уюта и спокойствия.

Два парня шли к общежитию, поддерживая друг друга. Фан Юньци был выше Цзинь Жояня, его рука лежала на его плече, но он не хотел слишком сильно на него опираться. Понимая, что Фан Юньци, как ребёнок, старается казаться сильным, Цзинь Жоянь невольно улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься?

— Ничему.

После короткого диалога снова наступило молчание. Листья на деревьях шелестели, а тени от них танцевали на земле, создавая умиротворяющую картину.

Вдруг Цзинь Жоянь вспомнил что-то и спросил:

— Кстати, почему ты тогда выгнал меня?

Фан Юньци удивился:

— Когда?

— Когда я только пришёл в компанию. В тренировочном зале был только ты, я сел рядом, а ты через пять минут выгнал меня!

Фан Юньци невинно моргнул, его глаза, отражающие лунный свет, выглядели особенно трогательно, даже заставив Цзинь Жояня на мгновение усомниться: может, он ошибся?

Пытаясь найти слова, чтобы разрядить обстановку, он услышал смущённый голос Фан Юньци:

— Когда я тренируюсь, мне становится неловко, я не хочу, чтобы кто-то видел, поэтому...

— Неловко? — Цзинь Жоянь с недоверием посмотрел на него. — Ты танцуешь так хорошо, и тебе неловко? Ты шутишь?

На щеках Фан Юньци появился лёгкий румянец, который в сочетании с лунным светом придавал ему загадочный вид:

— Не шучу. Мне действительно неловко. Во время выступлений всё нормально, но на тренировках движения должны быть более выразительными, чтобы закрепить их в памяти. Поэтому, если кто-то смотрит, я чувствую себя дураком и становлюсь скованным...

— Что?! Ха-ха-ха-ха!

Цзинь Жоянь засмеялся без тени смущения. Оказалось, что причина их размолвки была такой нелепой? Просто Фан Юньци не умел выражать свои чувства, а он сам сделал поспешные выводы.

Фан Юньци немного смутился:

— Что тут смешного?

— Ничего, ничего.

Снова наступила тишина, и Фан Юньци первым заговорил:

— Э-э, а ты... как ты так хорошо умеешь перевязывать?

— Долгая болезнь сделала меня врачом.

Цзинь Жоянь ответил, не задумываясь. С момента становления стажером и до дебюта они

сталкивались с множеством травм. Хотя после дебюта у них была своя команда физиотерапевтов, Цзинь Жоянь был внимательным и, имея свободное время, научился многим простым, но полезным медицинским приёмам.

— Ты, будучи стажером так долго, при болезни или травмах просто терпишь, как долго твоё тело это выдержит? — Думая о том, как после дебюта Фан Юньци часто страдал от болей в спине и ногах, Цзинь Жоянь не смог сдержаться. — Ты ещё молод, это не проблема, но когда ты станешь главным танцором, с высокой нагрузкой и нерегулярным образом жизни, твоё тело просто сдастся!

Фан Юньци слушал его, ощущая, что слова становятся всё страннее, но, понимая, что Цзинь Жоянь заботится о нём, не стал спорить, лишь тихо ответил:

— Сейчас об этом рано говорить, ещё не известно, получится ли дебютировать. Давай сменим тему!

Цзинь Жоянь вздохнул. Раньше, не зная Фан Юньци и судя по первому впечатлению, он считал его, несмотря на юный возраст, расчётливым и скрытным. Теперь же он понял, что Фан Юньци — просто ребёнок, чистый и прозрачный, не умеющий защитить себя и не понимающий, что такое хитрость.

<http://bllate.org/book/16449/1491938>